

А. Г. КИСЛОВ

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
г. Екатеринбург

Условность социальности

В отсутствие артикулированной, членораздельной, россыпями слов представленной речи социальный человек невозможен. «Без дорожных указателей речи социальный улей рассыпался бы в одно мгновение» [1, с. 19]. Более того, мы «не можем навсегда оставить мысль... при себе, как бы мы ни медлили обсудить ее с соседом» [1, с. 25], и «то, что мы создаем, мы проговариваем» [1, с. 24], подыскивая осознаваемому слова. При этом мы не можем не обращаться: к другому и/или к себе, постоянно становящемуся другим. Поскольку, обращаясь, мы изменяемся. И весь этот процесс обеспечен языком, прежде всего, речью, об-у-слов-лен слов-ами.

Всякий человек есть автономное целое с автономными интересами и в то же время – партнер с интересами, в чём-то тождественными интересам некоторых других людей. Речь, слова – главный примиритель человека с другими и с самим собой. «Членораздельная речь признает существование других волеизъявлений, отличных от воли говорящего» [1, с. 48–49], поскольку она всегда речь-к-ты. Мы живы обращением к другому, говорением друг другу и друг для друга, речью и слухом, слышанием и/или видением исходящих к нам знаков другого, друг друга и самих себя – с помощью, опять же, других.

Встреча с другим и невозможна «минуя речь, – “вплотную”, – глаза в глаза, в его совпадении с самим собой», ибо «человек этого не любит, он сразу же в раковину, и нет его» [Цит. по: 2, с. 73], равно как невозможно

«мыслить “о человеке...”»; возможно мыслить лишь к человеку... к другому человеку обращаясь (и к себе обращаясь). Знать человека... означает быть с ним в диалоге – то есть – “не знать” его, но – понимать и – не понимать» [2, с. 123], словно он одновременно вмещён и невместим в наши слова.

Речь, обращения с помощью слов предполагают не только доверие к другому, но и веру в возможность жить в мире с ним вопреки пониманию и/или непониманию, вопреки условности как понимания, так и непонимания. Обращением с помощью и вопреки условности мы соприкасаемся с безусловным, предполагающим нашу уверенность, что лучшие перемены – мирные. И именно «образование имеет первостепенное значение как опыт установления человечеством мира между людьми разного времени» [1, с. 41].

Безнадежная задача – преподавать социальные доктрины людям, у которых нет опыта мирной жизни, ибо «мир не может быть рационально дедуцирован» [1, с. 47], он – безусловен. Сама же социальность (вместе со всеми её доктринами) – условность (вместе со словами о ней).

Жизнеспособной, т. е. опирающейся на безусловное, но всё равно неизбежно обусловленной, т. е. условной во всех своих видах и формах социальности (безусловно) необходимо (условное) согласие, причем согласие не имитационное, которое не может быть надежным, требует насилия, ибо им и порождено, а согласие, выросшее из способности и готовности (безусловно) встать над индивидуальными интересами. Эта способность предшествует разрозненности «я». Из-за этой способности под воздействием обращенного ко мне голоса я нахожусь в состоянии податливости, оказываюсь пластичен, я обнаруживаю в себе способность измениться, стать таким, каким не был перед тем. Голос, обращение-ко-мне приводит меня-слушающего, моё мышление в «подвешенное» состояние. Эта изначальная суггестивность человека свидетельствует о изначальной слитности нас в «мы», живущему речью, держащемуся языком, словами, обу-

словленностью, условностями, которые, конечно, не гарантируют, не избавляют нас и от возможности противопоставления различных «я» вплоть до войны между ними.

Иное имя этой суггестивности, внушаемости – ответственность, усилим: ответственность. «Это – непрекращающийся поток ответов, которые человек держит перед лицом своего мира, под взглядом своего Бога и на слуху своего рода... так называемая деятельность человека сильно преувеличена теми, кто забывает о его ответственности. Деятельность человека в основном ограничивается выбором между откровенностью и скрытностью в отношении того, что с ним на самом деле происходит... Иными словами, реальная деятельность человека заключается либо в мифотворчестве, либо в раскрытии истины... В остальном мы – часть природы» [1, с. 79].

Посредник и соучастник признаний и умолчаний – слова, речь, язык – «физический носитель социальных связей» [1, с. 122]. Кроме того, «язык – это процесс, который можно взвесить, измерить, выслушать» [1, с. 12], т. е. язык поддается изучению физически достоверными методами. Изучение же языка – грамматика – в силу фундаментальной важности его в отношении человеческой природы – наука не только о языке, но и о человеке и обществе. «Книги по грамматике скучны лишь до тех пор, пока мы поддерживаем в себе иллюзию, будто всегда и при любых обстоятельствах в состоянии говорить членораздельно... Однако в каждый данный момент обществу грозит опасность утраты речи, соединяющей поколения, классы, нации, континенты. И эта опасность становится в наши дни все более реальной, так как злоупотребление языком достигло сегодня гигантских масштабов... нужны новые усилия, дабы вернуть языку его власть над этим поразительным рассогласованием» [1, с. 50].

Эти новые усилия в первую очередь прикладываются в такой, как многим представляется, всецело условной сфере, как образование. «Первоначальным воплощением новой грамматики общества является... обра-

зование. Ибо образование есть процесс, в котором два «разновременника» встречаются с тем, чтобы иметь возможность стать современниками» [1, с. 36]. Учебный диалог – «победа над природными различиями, навязывающими порядок следования людей во времени. Ибо всякий разговор между людьми разного времени есть победа над природой, возносящая образование на высоту социального процесса первостепенной важности» [1, с. 36]. И в конце концов, «способность слушать так, чтобы это не осталось без последствий – вот что такое образование» [1, с. 143]. Условное оказывается безусловно значимым для жизнеспособной социальности, а заметки О. Розенштока-Хюсси, М. М. Бахтина, М. Бубера, других мыслителей-«диалогистов» оставляют надежду на продвижение гуманитарного знания в направлении выявления подвижного тождества мирной жизни, речи, социальности.

Литература

1. *Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность* / О. Розеншток-Хюсси. – М. : Лабиринт, 1994. – 217 с.
2. *Библер В. С. М.М. Бахтин, или Поэтика культуры* / В. С. Библер. – М. : Наука, 1991. – 173 с.